

Николай Добролюбов

Внутреннее обозрение

Николай Добролюбов
Внутреннее обозрение

«Public Domain»

1861

Добролюбов Н. А.

Внутреннее обозрение / Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1861

Статья является вступлением к первому «Внутреннему обозрению» «Современника», написанному С. Т. Славутинским (см. о нем примеч. к статье «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» – наст. т., с. 680–681), и представляет собой программу нового отдела. В этой небольшой работе нашли выражение основные элементы революционно-демократического мировоззрения Добролюбова: мысль о негодности всего общественного здания России и бессмысленности его частичных перестроек, вера в народ как единственную силу, способную коренным образом изменить жизнь.

Содержание

<I>	5
<II>	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

Внутреннее обозрение

Исполняя наше прошлогоднее обещание, мы открываем с этой книжки нашего журнала постоянную хронику внутренней жизни нашего отечества^[1]. Считаем нелишним сказать в самом начале несколько слов о том, как мы понимаем это дело.

Нам придется сообщать во внутреннем обозрении известия самые разнообразные и нередко даже противоположные друг другу по своему характеру. Сведения об отрадных начинаниях и печальных явлениях быта, светлых надеждах и горьких разочарованиях, высоких стремлениях и низких поступках – все это, без сомнения, будет пестрить нашу хронику и отчасти видоизменять ее характер. Подобная пестрота неизбежна по условиям самой жизни нашей, складывающейся так неровно и так еще плохо установившейся. Но при некотором внимании читатель найдет общую нить, связывающую различные факты общественной жизни гораздо легче, нежели кажется на первый взгляд. Для этого нужно только приучить себя к строгому различению *дел* от *слов*, *фактов* от *предположений*, *живых явлений быта* от мертвых, не прошедших еще в жизнь *законоположений*. Рассматривая однородные факты жизни, мы не найдем в них действительного противоречия, потому что все они развиваются один из другого по известным законам и в известном направлении. Но огромные противоречия встретим мы на каждом шагу, если вздумаем причислять к действительным фактам народной жизни и все те предположения и планы, которые вырабатываются в головах нескольких лиц и потом являются на бумаге. Эти бумажные, *литературные* факты постоянно представляют нам картину, далекую от действительной жизни, и в них-то, или, лучше сказать, – в излишнем доверии к ним заключается главная причина той запутанности, которую находим мы в большей части взглядов на современные события. Все ожило, проснулось, все идет вперед, и в то же время все спит, молчит, остается в неподвижной апатии; все зреет, зреет не по дням, а по часам, зреет уже несколько лет, и вдруг слышится торжественный голос, что все не созрело^[2], и сотни взрослых людей безмолвно и кротко выслушивают этот голос и через несколько дней бегут поучаться и дозревать на лекции строгого ученого, столь бесцеремонно аттестовавшего их^[3]. Все освещено, настал полный рассвет в нашей общественной жизни, во все уголки свет пробрался, вот уже года три тому назад, по газетным сведениям; и между тем что год, то больше открывается темных уголков, в которых делаются вещи неслыханные и невообразимые, и бывалые люди говорят, что таких уголков и теперь осталось еще много, так много, что если открытые углы «стократ умножить миллионом» и дерзнуть сравнить с неоткрытыми, так и то —

Лишь будет точкою одною...^[4]

Все это чрезвычайно запутывает суждения о современном положении русского общества. Мы видим, что все движется, строится, ломается, опять строится, украшается, переделывается, и остаемся нередко в полном недоумении относительно смысла всех этих построек. На наших глазах одна стена дома сламывается, другая штукатуруется, на третьей прибито объявление, что «сей дом продается», а внутри разводится оранжерея. Подходя то с одной, то с другой стороны, мы строим различные предположения и стараемся вывести что-нибудь из переделок, совершающихся перед нами. Само собою разумеется, что нам редко удастся сделать правильный и умный вывод. Дело в том, что переделки в доме свидетельствуют о вкусе и потребностях хозяина и жильцов, но не показывают степени прочности, удобства и ценности

самого дома. Так точно и в наблюдениях над русской жизнью – изменения и переделки, предполагаемые и совершаемые в ней, могут нас привести к одному только непреложному заключению: значит, устройство русской жизни оказалось неудовлетворительным, значит, есть что-то такое неладное в ней, и русские люди хотят избавиться от существующих неудобств и изменить свое положение к лучшему. Но что именно улучшено, что еще требует улучшений и каких именно – об этом можем мы рассуждать только на основании фактов, непосредственно взятых из жизни, а никак не по формальным, бумажным проявлениям строительной деятельности, *кипящей* теперь во всех уголках нашего отечества. Возьмем несколько примеров.

В последнее время чрезвычайно размножились у нас акционерные компании, особенно по части путей сообщения, и всякого рода промышленные предприятия. Один этот факт сам по себе, несомненно, доказывает, что до сих пор – как промышленность наша вообще, так в особенности пути сообщения находились в очень неудовлетворительном положении. Иначе не было бы причины для такого внезапного, порывистого и в самом деле значительного движения для образования множества компаний и предприятий. Далее, смотря на формальную, общую сторону промышленного движения, мы можем заключать еще и о том, до какой степени достигло теоретическое развитие общества в отношении к экономическим вопросам, какие потребности сознаны и какие средства для их удовлетворения поняты и признаны большинством. Мы видим, например, что в течение 1856–1858 годов основано около 60 акционерных компаний, и из них почти половина приходится на пароходство и железные дороги. Ясно, что надобность в хороших средствах сообщения и перевозки была слишком ощутительна и очень живо сознавалась обществом. Затем, видя, что заводятся именно общества пароходства и железных дорог, а не шоссейных дорог, не дилижансов, не парусных судов и не воздушных шаров, мы можем заключать весьма основательно, что пароходы и паровозы в настоящее время признаются нашим обществом за самые нужные и удобные средства сообщения. Очевидно, что сознание общества *созрело* до железных дорог и пароходства. Но на этом должны и остановиться наши выводы; как скоро мы пойдем дальше, мы почти наверное впадаем в ошибку, если не будем руководиться частными фактами. Многие, например, обрадовавшись, что у нас есть железные дороги и пароходы, немедленно становятся на европейскую точку зрения и уже готовы рассчитывать с ними путешествие по России, перевозку грузов и пр. совершенно на таких же условиях, как бы это было в Европе, – прием чрезвычайно легкомысленный, потому что местные условия и особенности нашей жизни совершенно изменяют иногда тот первообраз, с каким известное учреждение является в Европе. Поэтому несправедливо было бы сравнивать, например, наши средства сообщения с европейскими, основываясь только на количестве верст рельсов, числе пароходов и тому подобных формальных определениях. Настоящий, живой вывод об удобствах наших сообщений можно составить лишь из тщательного рассмотрения частных фактов, указывающих, где, что и как делается. Тогда только мы и увидим, как наши дороги и пароходы строятся, чего нам стоят, к чему они больше приспособлены, какое могут иметь влияние на развитие благосостояния в массе народа и как они действительно относятся к средствам сообщения в Европе. Известия об опоздавших поездах, о нескольких часах, проводимых пассажирами в вагонах в ожидании важного лица, о двухмесячном стоянии пароходов на мели в нижних частях Волги, о задержанных извозчиках с грузом компании, о метелях, холоде, голоде и тому подобных условиях, свойственных нашему климату, все подобные известия непременно должны быть принимаемы в соображение – и не только при настоящем положении дел, но и на известный период будущего, потому что наш климат и наша жизнь не могут, разумеется, переродиться в два-три года, хотя бы все восторженные публицисты престольного града Москвы и столицы Санкт-Петербурга соединили свое красноречие для возбуждения ее к такому перерождению.

С этой точки смотрим мы и на все общественное движение, совершающееся в России. Факты действительные, случившиеся – для нас всегда были и будут важнее самых блистатель-

ных и широких предположений и формальных предписаний. Без фактов мы не даем веры ни одному высокому стремлению, ни одному красноречивому возгласу. Но неосуществленных стремлений, не перешедших в дело возгласов так много в нашей современной жизни, что они сами по себе составляют факт, свидетельствующий о направлении общественного сознания. На этом основании мы и предположениям, и начинаниям, и канцелярским, форменным приготовлениям, и даже просто словесным походам уступаем известную долю значения, и они будут постоянно заносимы в нашу хронику наряду с действительными фактами. Конечно, в Москве ездят на очень плохих извозчиках, рабочее население в Петербурге помещается большею частью очень дурно; но тем не менее – нельзя же совершенно презирать и то обстоятельство, что в Москве учреждено общество городских экипажей, а в Петербурге – общество для устройства помещения рабочих^[5]. Конечно, у нас денежные и торговые отношения устроиваются далеко не на основаниях политической экономии; но все же Е. И. Ламанский читает для незрелой публики лекции о банках, г. Безобразов – о кредите во Второй гимназии, а г. Калининский – о свободной торговле в Пассаже^[6]. Конечно, винные откупа существуют на всем пространстве России, и везде русский люд опаивается скверной водкой; но все же в литературе появились обличения на откупа, после того как стало известно, что они существуют последнее четырехлетие...^[7] И то хорошо – и то служит проявлением силы общественного сознания: стало быть, все подобные явления тоже надо отмечать в летописи общественной жизни. Но только никак не должно ставить их в уровень с тем, что действительно совершается в жизни. Наши разглагольствия, исследования, комитеты, правления и все вообще виды канцелярий и канцелярских работ совершенно ничего не значат пред твердым и могучим ходом жизни, не спрашивающей у нас никаких программ. Вспомним великую философскую истину: в то время как Манилов спрашивал Фемистоклоса, хочет ли он быть дипломатом, – у будущего дипломата чуть было не попала из носу в суп некоторая посторонняя капля... Все наши бумажные восторги и прогрессы напоминают именно этот вопрос о дипломатическом поприще, а действительность каждую минуту подпускает такую постороннюю каплю в суп нашей жизни, подслащенный красноречием и радужными надеждами.

Надеюсь, что читатели не будут восставать против нашей точки зрения на события русской жизни. Впрочем, если кто и не согласится с нами – он ничего не потеряет в самой хронике. Составитель нашего внутреннего обозрения, заботясь о полноте известий, не будет проходить молчанием и канцелярских, бумажных явлений нашей жизни, и кому угодно, тот может придавать им даже более значения, нежели явлениям, действительно совершившимся и характеризующим быт народа и нравы общества.

Сделав эти предварительные замечания, представляем читателям и перечень фактов внутренней жизни нашей за последнее время, начиная, разумеется, с правительственных распоряжений.

<II>

Случайный составитель обозрения. – Его осенние думы в противоположность весенним мечтам и увлечениям, – Почему не любит он петербургской весны. – Почему боится высказать вполне свое мнение. – Решимость его отстаивать одну мысль – что пришла осень. – Зависимость провинциального времени и погоды от петербургских. – Сообщения Петербурга с провинциями. – Осенние симптомы при въезде в Одессу. – Абазовские деньги. – Горести от недостатка звонкой монеты; задержки на станциях по недостатку сдачи. – Много ли золота увозится русскими путешественниками за границу и сколько прячут его наши мужики. – Некоторые свойства и условия нашего кредита. – Богатство нищих и их обилие по большим дорогам. – Улучшение наших дорог. – Надежды Одессы на устройство в ней хороших мостовых. – Еще о доверчивости и о разных ее последствиях: отставной актер; случаи в общественном саду и в клубе. – Еще несколько любопытных фактов.

Читатели «Современника» плачут, не нашедши в июльской книжке «Внутреннего обозрения». Так по крайней мере, наверное, думает его составитель, которого я, впрочем, не одобряю – сколько по зависти к его таланту¹, столько же и за его весенние мечты и стремления^[8]. Весенние мечты вообще мне противны с тех пор еще, как я читал в русских журналах весенние «звуки», «песни», «гимны», «мечты»...^[9] да, именно, я помню, что читал и мечты, да еще —

Над весенней страницей Фета...^[10]

Но особенно опротивели мне весенние мечты и впечатления именно теперь: они меня заставляют писать для этой книжки «Внутреннее обозрение». Представьте, как это весело, особенно теперь (чуть было не сказал: *в настоящее время*), когда непомерно развившаяся гласность в нашем отечестве гоняется за всякими гадостями, так что от нее и на железных дорогах не ускачешь, – а составитель «Внутреннего обозрения» должен все это заносить в свою хронику. Но что же делать станете? Составитель прежних обозрений развежил публику своей весенней теплотою, так что теперь читатели скорее без «Свистка» обойдутся, чем без «Обозрения», – а сам, тоже, верно, развежившись, взял да и бросил писать на летние месяцы; «летом, говорит, я не могу... я пойду природой наслаждаться»... Вот и принужден теперь я беседовать с читателями в этой книжке. Уж вы не сердитесь, господа: у меня теплоты особенной не найдете, да и время теперь не такое подходит...

¹ Новое признание! Пища для полемики против «Современника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

О намерении редакции журнала организовать отдел хроники общественной жизни говорилось в объявлении об издании журнала в 1860 г. (Совр., 1859, № 10).

2.

На публичном диспуте о деятельности акционерного общества «Русское пароходство и торговля», проходившем 13 декабря 1859 г. в Петербурге в зале Пассажа, супер-арбитр спора экономист Е. И. Ламанский, увидев, что обсуждение принимает нежелательный для кампании оборот, заявил, что «мы еще не созрели для публичных диспутов», и закрыл заседание. Как первый опыт публичного обсуждения общественного вопроса диспут привлек огромное внимание. Добролюбов посвятил ему специальную статью – «Любопытный пассаж в истории русской словесности» (см. наст. изд., т. 2).

3.

Публичные лекции о банковском деле Е. И. Ламанский читал в зале 2-й петербургской гимназии с 26 декабря 1859 г.

4.

Добролюбов цитирует, отчасти перефразируя, строки из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784).

5.

Акционерное Петербургское общество для улучшения помещения рабочего и нуждающегося населения было основано в 1858 г. группой высокопоставленных лиц. Его создание широко освещалось в печати.

6.

Публичные лекции (проводившиеся обычно с благотворительной целью) были характерным явлением конца 1850-х – начала 1860-х гг. – эпохи «всеобщего стремления к образованию» (Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания, т. 1. М., 1967, с. 133).

7.

Откупщики приобретали право на откуп с публичных торгов на четыре года. Проведенные в 1858 г. торги на четырехлетие 1859–1862 гг. были объявлены правительством последними. В 1863 г. должна была вступить в силу новая система сбора косвенного налога на вино. В связи с этим торги 1858 г. вызвали небывалый ажиотаж: рассчитывая максимально использовать этот уплывающий из рук легкий способ наживы, откупщики взвинтили цены на торгах, а затем пытались вознаградить себя ухудшением качества вина и повышением цен. Эти злоупотребления вызвали мощное трезвенное крестьянское движение 1858–1859 гг., привлечшее внимание прессы к деятельности откупов (см. статью Добролюбова «Народное дело» – наст. изд., т. 2).

8.

Говоря о том, что он «не одобряет» Елисеева – составителя предшествующего обозрения, Добролюбов обыгрывает высказывания противников «Современника» о том, что между сотрудниками журнала нет единства взглядов. Тот же прием использовал Елисеев во «Внутреннем обозрении» (Совр., 1861, № 3, отд. II, с. 103), а также Н. Г. Чернышевский в начале статьи «Полемиические красоты» (Совр., 1861, № 6).

9.

См. примеч. 20 к рецензии «Перепевы» (наст. т., с. 716–717). Весенние гимны — стихотворение Н. Ф. Щербины «Весенний гимн» (Совр., 1860, № 2).

10.

Из стихотворения В. В. Крестовского «А весна, как струна, занывает в груди» из цикла «Весенние ночи» (ОЗ, 1860, № 4), вызвавшего град пародий.